СИЛА МЫСЛИ

РОДЖЕР ГРИФФИН

О ПРИРОДЕ ЗЛА

ФАШИЗМ И МИФ О ВОЗРОЖДЕНИИ

Сила мысли

Роджер Гриффин

О природе зла. Фашизм и миф о возрождении

«Алисторус»
1991

УДК 329.18
ББК 66.1стд1-231.3

Гриффин Р.

О природе зла. Фашизм и миф о возрождении / Р. Гриффин — «Алисторус», 1991 — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-268-2

Роджер Гриффин - один из важнейших специалистов по истории фашизма в современном мире. Именно он выдвинул доминирующую на сегодняшний момент в этой сфере теорию «палингенетического мифа» - мифа о возрождении. Гриффин исследует развитие этого мифа в XIX веке - через расистские теории в англосаксонских странах, движение «фёлькише» в Германии, через оккультные кружки викторианской эпохи, а после и в XX - через фашизм, разнообразные националистические и ультраправые нарративы и движения. Автор показывает, что фашизм способен пустить корни практически на любой почве. Работы Роджера Гриффина привлекались как авторитетные источники во многих судебных процессах против неофашистских организаций. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 329.18
ББК 66.1стд1-231.3

ISBN 978-5-00269-268-2

© Гриффин Р., 1991
© Алисторус, 1991

Содержание

Предисловие 6
Предисловие ко второму изданию 11
Благодарности 15
Глава первая 16
«Загадка» фашизма 16
Продолжающийся поиск консенсусного определения 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Роджер Гриффин
О природе зла. Фашизм и миф о возрождении

Серия «Сила мысли»

© Гриффин Р., 2026.
© Катайцева Э. С., перевод, 2026.
© Нигматулин М. В., перевод, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Бывают мгновения, когда над горизонтом мысли загорается новое созвездие, ослепляющее взоры всех, кто не нашел внутреннего покоя, – предвестие и набат, возвещающие поворотный пункт мировой истории, подобно тому как некогда это было для царей с Востока. С этого момента окружающие звезды поглощаются огненным заревом, идолы разбиваются на глиняные черепки, и все, что обрело форму прежде, переплавляется в тысяче печей, чтобы отлиться в новые ценности.

Роджер Гриффин

Откровение, на которое намекал здесь немец Эрнст Юнгер на первой странице своего романа «Битва как внутреннее переживание», было связано с его личным опытом фронтовых сражений в Первую мировую войну. Однако его слова выражают центральный компонент всего революционного чувства: тот привилегированный миг, когда разочарование и отчаяние в современном состоянии человеческих дел внезапно преображаются в пророческое ощущение грядущего преображения, нового мира.

Нет нужды быть современным Нострадамусом, чтобы предсказать, что во всех обществах, живущих по иудео-христианской схеме исторического времени, по мере приближения к 2000 году расплодятся спекуляции о непосредственной судьбе мира. Пророки катастрофы будут соперничать с утопическими футурологами, провозглашая конкурирующие видения упадка и обновления, когда наш fin de siècle уступит место третьему тысячелетию, – перспектива, обремененная мифической силой даже для «современных» умов. Коллективное чувство исторического водораздела может лишь усилиться рядом крупных трансформаций в воспринимаемых и объективных структурах мирового сообщества: подъем фундаменталистских, сепаратистских и трайбалистских национализмов; свержение или распад репрессивного государственного коммунизма революционными и постепенными демократическими движениями; провозглашение «нового мирового порядка», охраняемого ООН, которая наконец-то оправдывает те пророческие идеалы, что привели к ее основанию; растущее осознание близости экологической катастрофы и попытки превратить самоубийственную и биоцидную современную цивилизацию в устойчивую на неопределенный срок систему для всей земной жизни, включая наш собственный вид. Сказать, что человечество находится на перепутье, на этот раз, возможно, – не просто этноцентричная риторика.

В такое время вполне уместно спросить, может ли исследование «природы фашизма» действительно оправдать интеллектуальные, издательские и бумажные ресурсы, на него затраченные. В конце концов, если под «фашизмом» мы понимаем фашизм и нацизм, а также движения, стремившиеся им подражать, то он потерпел полный провал в попытке заложить основы постлиберального общества, свободного от зол, которые он приписывал либерализму и социализму, несмотря на ужасающие разрушительные преследования и войны, которые он развязал. Новый порядок, в котором нации будут возрождены на «здоровых» принципах, и Новый человек, который будет его населять, остались химерой. Непосредственно после Второй мировой войны было вполне естественно, что гуманитарные науки посвятили значительные ресурсы объяснению метеорной траектории, описанной нацизмом и фашизмом, прежде чем они оба сгорели, и исследованию родственных движений, которые не достигли власти, но были симптомами того же международного кризиса. Полвека спустя, в эпоху, где господствуют мечты уже не о возрожденной национальной общности, а об интернациональной, имеет ли одержимость определением и динамикой фашизма какую-либо непосредственную «актуальность», кроме как вклад в устоявшуюся субдисциплину истории, уже переполненную данными и теориями?

Одна из предпосылок, лежащих в основе этой книги, состоит в том, что именно в бурном социальном и идеологическом климате конца двадцатого века не-фашисту лучше всего можно понять динамику фашизма и место, которое он занимает в развертывании современной истории. Фашизм не был курьезным проявлением антимодернизма или социальных патологических процессов на особых путях развития, которым следовали несколько национальных государств. Его сырьем были такие силы, как милитаризм, расизм, харизматическое лидерство, популистский национализм, страхи, что нация или цивилизация в целом подрываются силами упадка, глубокая тревога о современной эпохе и тоска по началу новой эры – все это активные ингредиенты современной истории. Возможность сплавить эти ингредиенты в популярные и даже массовые движения в межвоенный период, а для двух из них – фашизма и нацизма – в конечном итоге возвести новый тип однопартийного государства, обеспечила исключительное стечение острых социально-политических напряжений, являвшихся прямым или косвенным результатом Первой мировой войны и русской революции. Таким образом, фашизм – дитя двадцатого века. Время, когда этнические национализмы проявляют все возрастающую вирулентность и даже самый бесстрастный кабинетный политик или современный историк разрывается между предчувствиями катастрофы и надеждами на новую зарю, требует меньшего напряжения «исторического воображения», чтобы понять извращенную мифическую логику, лежащую

в основе фашистского проекта разрушения старого порядка, дабы нация могла быть создана заново.

Надеюсь, будет показано, что когда ускользающий «фашистский минимум» определяется строго в терминах возрожденной нации и постлиберального общества, которое предположительно должно его поддерживать, получаемый идеальный тип не только более лаконичен и «элегантен», чем сформулированные до сих пор, но и дает новое понимание динамики отдельных фашистских движений. Очевидно, книга о «природе фашизма», написанная на этой основе, будет упражнением в прикладной истории идей. Как таковая, она уделит самое минимальное внимание множеству событий, в которые вовлечено каждое фашистское движение, или конкретным социополитическим и экономическим факторам, способствующим или препятствующим его успеху, а вместо этого сосредоточится на ядре идеологии фашизма. Учитывая огромный спектр разнообразных явлений, в которых эта идеология проявляется, получившийся текст неизбежно будет скуден на детали и оригинальные исследования, но богат на теоретизирование и суждения, основанные на вторичных источниках.

Соображения объема позволяют сделать лишь самые беглые аллюзии на обширные первоисточники фашистской идеологии, включенные в анализ, предлагаемый этой книгой, особенно в главах с третьей по шестую. (К слову, все переводы цитат или отрывков из книг, опубликованных не на английском языке, выполнены мной.) В результате получилась книга, которая, что касается ее стиля и формата, адресована в первую очередь студентам бакалавриата, непрофессиональным исследователям, учителям старших классов школ, а также аспирантам и (более осторожно) экспертам, работающим в этой области. Очевидно, это две совершенно разные категории читателей. Первым, безусловно, потребуется воспользоваться вторичными работами о некоторых явлениях, которые я рассматриваю столь схематично, а также «конкурирующими» общими теориями, если они хотят получить адекватное представление о конкретных аспектах многих затрагиваемых мной вопросов и целостный взгляд на дискуссию в целом. Я надеюсь, что обильные (но далеко не исчерпывающие) библиографические ссылки на (в основном англоязычные) источники будут полезны для этой цели. Вторая группа будет остро осознавать спорность развиваемой мной теории и значительные упрощения и упущения, которые потребовались для ее изложения. Я был бы очень признателен, как для своих собственных исследовательских целей, так и ради улучшения любого пересмотренного издания, которое может быть задумано, если читатели любой из категорий напишут мне лично в отдел гуманитарных наук Оксфордского политехнического института, чтобы указать на разделы аргументации, которые сбивают с толку или неясны, поправить меня в особенно досадных фактических ошибках и промахах или указать на материалы, которые могли бы подтвердить или уточнить мою тезу о фашизме, но о которых я, по-видимому, не знаю.

В случае фашизма и нацизма – единственных двух фашизмов, самостоятельно сформировавших правительство в результате успешного (и отчасти «легального») захвата государственной власти, – я интегрировал свой анализ в исторический обзор их эволюции от движения к режиму. Это сделано как для пользы обычного читателя, впервые знакомящегося с темой, так и для экспертов, знакомых с одним, но не с другим. Чтобы выявить структурное родство в политической экологии и геологии множества гораздо более разнородных разновидностей фашизма, которые так или иначе остались несостоявшимися революционными движениями, главы 5 и 6 предоставляют спутниковые снимки или художественные образы обширных областей фашистского ландшафта, части которого могут быть хорошо известны некоторым читателям на местах, но совершенно новы для других. Моей целью на протяжении всего повествования было не предложить «конспективную историю» фашизма, а скорее оттенить высокую степень сплоченности, которая «структурно» лежит в основе необычайной поверхностной гетерогенности его идеологии, и одновременно определить жилы закономерностей, проходящие сквозь кажущийся хаос судеб, которые постигают его различные прояв-

ления. Такая книга, очевидно, рискует быть ни рыбой для широкого читателя, ни дичью для специализированного текста, но я надеюсь, что все, кого завораживает загадка фашизма, найдут, что, подобно яйцу кюре, ее по крайней мере местами можно употребить в пищу.

Роджер Гриффин
Оксфорд, февраль 1991 г.

Предисловие ко второму изданию

Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как я написал первое предисловие к книге «Природа фашизма». Сам факт того, что теперь пишется новое предисловие для бумажного издания, свидетельствует о благоприятной реакции, которую ряд видных специалистов по изучению фашизма высказал по поводу базового подхода, применяемого в книге к идеологической динамике фашизма, в частности Яна Кершоу, Пола Мазгая, Джорджа Моссе, Стэнли Пейна, Ричарда Терлоу и Зеева Штернхеля. Я благодарю их всех за доверие, которое они оказали этой книге и которое в немалой степени помогло убедить редакторов издательства Routledge в том, что она заслуживает более широкого распространения. Однако их комментарии, наряду с отзывами студентов Оксфордского политехнического института, лишь усилили мое осознание различных аспектов текста, которые можно было бы улучшить. Естественно, мелкие ошибки, ускользнувшие от внимания при последней корректуре, были исправлены настолько, насколько это было возможно без нарушения типографского процесса. Однако были указаны некоторые потенциальные источники затруднений или непонимания, которые присущи самому замыслу книги и потому не так легко устранимы. Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы заранее предупредить о них читателя.

Во-первых, такова природа книги о «природе фашизма», что с самого начала ее тон преимущественно теоретический, поскольку она не может избежать подведения итогов напряженной и запутанной академической дискуссии, развернувшейся вокруг этой темы, прежде чем объяснить основные черты «нового» подхода. Так или иначе, я также решил подробно остановиться на методологических предпосылках этого подхода. В результате некоторые части первых двух глав, безусловно, представляют сложность для студентов, которые раньше не сталкивались с базовыми концепциями гуманитарных наук или с жаркими академическими спорами, которые они могут порождать. Это особенно верно, если события, связанные со словом «фашизм», не вызывают у читателя смеси ужаса и очарования и если острый недостаток консенсуса среди экспертов по этому вопросу не породил заранее некоторого интеллектуального любопытства и разочарования, которые эта книга стремится утолить.

Леон Дегрель

Другим следствием ориентации книги скорее на политическую теорию, чем на историю, является наличие в ней ряда слов, которые некоторые студенты (в самом широком смысле этого слова) сочтут отпугивающими, не говоря уже о «жаргонных». В это издание я добавил краткий глоссарий для тех, кто незнаком с некоторыми ключевыми терминами, которые могут вызывать трудности, но я бы предложил тем, кому весь стиль изложения изначально кажется возводящим больше баррикад для понимания предмета, чем разрушающим их, серьезно рассмотреть следующий вариант: перейти от конца раздела «Продолжающийся поиск консенсусного определения фашизма» внизу страницы 8 непосредственно к его «дискурсивному определению» на странице 44, пользуясь при необходимости глоссарием. Затем они могут отложить предложение вернуться к остальным частям глав 1 и 2, если их достаточно заинтригуют глубинные импликации таких терминов, как «идеология», «идеальный тип», «ультранационализм» и «палингенетический».

Во-вторых, некоторые базовые импликации моей теории фашизма могут оказаться затенены попыткой рассмотреть предмет как можно более всесторонне в такой небольшой книге. Она сводится к утверждению, что фашизм лучше всего определяется как революционная форма национализма, та, которая ставит своей целью политическую, социальную и этическую революцию, сплавляющую «народ» в динамичное национальное сообщество под руководством новых элит, проникнутых новыми героическими ценностями. Ключевой миф, вдохновляющий этот проект, заключается в том, что только популистское, надклассовое движение очищающего, катарсического национального возрождения (палингенезиса) может остановить волну упадка. В связи с этим стоит подчеркнуть, что хотя в этой книге уделяется мало внимания социальной базе фашизма, разрабатываемая в ней теория полностью согласуется с накопленными детальными эмпирическими исследованиями, демонстрирующими, что ни одно фашистское движение не рекрутировало своих последователей исключительно из определенной социальной группы, не говоря уже об одном «классе».

Еще один важный вывод из этой предпосылки заключается в том, что вся устремленность фашистской революционной программы антиконсервативна, хотя и не так, как она антилиберальна или антимарксистка. Как и современные консерваторы (и здесь я имею в виду нелиберальных консерваторов, а не либеральных), многие фашисты воспевают добродетели нации, семьи, иерархии, (государственного) закона и (естественного) порядка, дисциплины и патриотизма. В межвоенной Европе, когда нелиберальный консерватизм был еще такой могущественной силой, фашисты поэтому часто оказывались в союзе с его приверженцами против общих врагов, воспринимаемых как подрывающих эти институты и ценности, даже если в глубине души фашизм всегда стремился революционизировать их содержание таким образом, что в конечном итоге преобразовал, маргинализировал или смел консервативные элиты.

Еще один вопрос, требующий разъяснения, связан с моим определением «ультранационализма» как определяющего компонента фашизма. Некоторые могут возразить, что я использую этот термин таким образом, что стирается различие между национализмом и расизмом, особенно биологическим расизмом того рода, который был столь центральным для нацизма. Против этого я бы утверждал, что нелиберальный национализм («ультранационализм») – это сила, которая всегда прибегает к какому-либо мифическому компоненту для создания искусственного чувства общей судьбы и идентичности, и что «чистота крови» – лишь один из них. Таким образом, одержимость расовой историей и евгеникой просто указывает на то, что действует особая разновидность ультранационализма, а не на его противоречие. В этом контексте важнее подчеркнуть, что фашистский ультранационализм не обязательно исключает союзы с другими нациями, пока они воспринимаются как переживающие свой собственный параллельный процесс «пробуждения» (палингенезиса), становясь таким образом родственными духами, а не врагами (то, что я называю «универсалистским» фашизмом). Таким образом, вполне согласуется с тем, как фашизм определяется здесь, то, что концепция «Европы наций» стала с 1945 года приобретать все большее значение для фашистской идеологии.

Другие центральные черты моей аргументации, которые могут быть недостаточно ясны при первом прочтении, заключаются в следующем: 1) фашизм – это относительно оригинальная, последовательная и однородная идеология с точки зрения не своей доктрины или поверхностной рационализации, а своего ключевого мифа о национальном возрождении; 2) нацизм оказывается выдающимся образцом родового фашизма, если анализировать его с точки зрения этого ключевого мифа; 3) фашизм не был погребен в бункере Гитлера в 1945 году, но продолжает вдохновлять как теоретиков, так и активистов вплоть до сегодняшнего дня; 4) некоторые неофашизмы представляют собой оригинальные синтезы идей, а отнюдь не являются простыми подражаниями межвоенным вариантам.

Результат этого рассуждения таков: хотя потенциал фашизма для создания режима можно смело считать угасшим с поражением держав Оси во Второй мировой войне, как апологетическая идеология, способная порождать новые движения, его следует рассматривать как постоянную черту современной политической культуры. Действительно, он может внезапно появиться на сцене современной истории, облаченный в поразительно новые доктринальные одежды, и подвержен громким «возрождениям» всякий раз, когда объективные условия социального, экономического или политического кризиса в устоявшемся национальном государстве пробуждают всеобщее стремление превратить «упадок» в «возрождение» (как события в Южной Африке, бывшем восточном блоке и новой Германии убедительно подтвердили с момента первой публикации этой книги). Более того, его нынешняя сила как самовозобновляемого источника организованной расовой ненависти глубоко связана как социополитически, так и психологически с растущей вирулентностью этнического национализма, трайбализма, сепаратизма и ксенофобии во всем мире. Рассматриваемый в этом свете, фашизм лишний раз подчеркивает (как будто история уже не пресытила нас примерами), насколько легко «здоровая» человеческая потребность в трансцендентности и принадлежности может быть извращена

в патологические формы социальной и политической энергии даже, или скорее особенно, в «современном мире».

Наконец, хотя книга определяет фашизм через его родовой «ключевой миф» – миф о нации, восстающей, подобно фениксу, из пепла упадка, – в ней нашлось место лишь для дразнящих отрывков из первоисточников, иллюстрирующих тип политического мышления, порождаемого этим видением. Издательство Оксфордского университета недавно заказало антологию отрывков, отобранных из широкого круга первоисточников и исследований, связанных с фашизмом, которая будет опубликована в их серии Oxford Readers, заполнив тем самым «досадный пробел». Но чтобы передать вкус фашистского дискурса и подготовить читателя к несколько абстрактной теории, изложенной в главе 2, может быть полезно предложить «бесплатный образец». Он взят из памфлета «Политический солдат», объемной брошюры, написанной в конце 1980-х годов британским фашистом Дереком Холландом и изданной на английском, шведском, немецком и португальском языках для распространения среди «избранных» читателей в Европе и Соединенных Штатах и для использования в качестве идеологического руководства для его собственной революционной фракции. С их постоянным акцентом на миссии «истинных» националистов бороться с упадком и декадансом (здесь выраженных как в национальных, так и в общеевропейских терминах, находящихся под глубоким влиянием Юлиуса Эволы), такие отрывки олицетворяют очищающий, палингенетический бренд ультранационалистического политического мифа, выходящий далеко за рамки консервативных чаяний в призыве к Новому порядку:

Если нам суждено пережить спасительную Национальную Революцию, которая станет очищающим огнем возрождения, мы должны проникнуть под поверхность, мы должны дойти до самой сути: Новый Человек, который построит Новый Социальный Порядок, должен неизбежно появиться перед Национальной Революцией, ибо Строитель должен предшествовать во времени и пространстве Зданию, которое он вознамерился возвести… Если Британской Семье Народов суждено уцелеть под двойным топором Капитализма и Марксизма, те, кто хочет защитить эту семью, должны действовать сейчас… Но если восхваление Мысли, не связанной с объективной реальностью – повседневной жизнью, реальной жизнью, – является грубой ошибкой, ведущей к политическому бессилию, то таково же и восхваление Действия. Фашисты, пожалуй, лучший пример этого заблуждения: перед лицом мира бесплодия и неподвижности призыв к чистому действию действительно соблазнителен. Снова почувствовать, как бьется сердце, почувствовать, как кровь течет по артериям нашей европейской культуры, чрезвычайно привлекательно. Но если мы истинно любим Европу, мы не должны слепо устремляться вперед… В то время как современный мир полыхает в огне, мы, призванные быть Политическими Солдатами, должны основать священное братство, посвященное искуплению нашего Народа и спасению европейской Родины.

Такая туманная утопия не стоила бы анализа политологам, если бы вдохновляемые ею активисты (для которых это не утопия, а «видение мира») не продолжали разжигать расовую ненависть и организовывать политическое насилие в современном обществе. Не представляла бы большого интереса для историков и та идеология, которую она воплощает, если бы она не была кровным родственником нацизма, который всего два поколения назад использовал захваченную государственную власть для осуществления «очищения» в массовом масштабе в попытке реализовать структурно идентичное учение, также призывавшее к «национальной революции» и «Новому Человеку».

Роджер Гриффин
Оксфорд, август 1992 г.

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Британскую академию за своевременный «небольшой персональный исследовательский грант», который позволил мне воспользоваться неоценимыми услугами Уильяма Гудолла для доступа к первоисточникам и исследованиям на португальском языке. Есть также ряд людей, без чьего ободрения в ключевые моменты эта книга и лежащее в ее основе исследование для докторской диссертации не увидели бы свет (но которые, естественно, не несут ответственности за любые выводы, к которым я пришел). В этом отношении я особенно благодарен Сиприану Блэмайрсу, Детлефу Мюльбергеру, Питеру Пулцеру, Эрминио Мартинсу, Яну Кершоу, Роджеру Итвеллу, Иэну Стивенсону, Джону Полларду, Мартину Блинкхорну и Штейну Ларсену. Благодарность также отделу гуманитарных наук Оксфордского университета Брукса (ранее Оксфордского политехнического института), который на протяжении всей этой работы оказывал мне большую поддержку. Особую роль сыграли также моя английская семья в Форест-Грин и моя итальянская семья в Кампомороне.

Глава первая
«Природа» фашизма как родового понятия

«Загадка» фашизма

«Несмотря на огромные затраты исследовательского времени и интеллектуальной энергии на его изучение… фашизм упорно остается главной загадкой для исследователей двадцатого века». Существует такая масса противоречивых мнений, окружающих этот термин, что почти стало обязательным начинать любое выступление в дискуссии о фашизме с подобного замечания. Действительно, одним из немногих бесспорных утверждений о фашизме является то, что это название политической силы во главе с Муссолини в период с марта 1919 по апрель 1945 года, ставшей официальной идеологической основой диктаторского режима, установленного им в Италии в 1925–1943 годах. Однако слово fascism здесь – это англизированная форма итальянского собственного имени fascismo (в дальнейшем именуемого «Фашизм»). Применение его к явлениям за пределами Италии меняет статус слова: оно становится родовым термином. Использование fascism в этом смысле (для которого мы всегда будем использовать строчную букву), согласно Оксфордскому словарю английского языка, уже утвердилось в английском языке еще в 1923 году, когда The Contemporary Review прокомментировала политическую ситуацию в Веймарской республике словами, которые, учитывая приход Гитлера к власти десятилетие спустя, полны трагической иронии: «Фашизм в Германии никогда не будет чем-то большим, чем один из нескольких факторов». По мере развития межвоенного периода термин вскоре подвергся процессу, который один историк охарактеризовал как «инфляцию», что, как известно, неизбежно ведет к девальвации. В случае слов это означает, что их начинают использовать для обозначения всё большего круга явлений, и они постепенно теряют свою различительную силу: рождается «универсальный термин» или «концептуальный мешок».

Освальд Мосли

Когда такие политические движения, как «Фасции» Валлуа или Британский союз фашистов Мосли, присвоили это слово как почетный знак, это показало, что по крайней мере некоторые политические активисты были убеждены, что диктатура Муссолини достойна подражания как проявление позитивной новой силы в современной политике, силы, не ограниченной итальянским полуостровом, а наднациональной и, следовательно, «родовой». Однако именно противники этой силы в основном ответственны за её обесценивание. К середине 30-х годов слово получило широкое хождение в левой среде как уничижительный термин для любого

движения или режима, стремящегося уничтожить марксизм и представительное правительство, так что большую часть Европы можно было рассматривать как находящуюся под угрозой «фашизма» в той или иной форме. Конкретная поддержка, оказанная Франко Муссолини и Гитлером, делала далеко не истеричным восприятие Гражданской войны в Испании как конфликта между фашизмом и демократией, особенно для тысяч добровольцев из-за рубежа, готовых пожертвовать своими жизнями для защиты Республики.

Поскольку Вторую мировую войну следует воспринимать как противостояние между фашистскими и антифашистскими силами, этот термин предсказуемо передавался послевоенным поколениям как эмоционально насыщенное слово осуждения любого политического режима или действия, воспринимаемого как репрессивное, авторитарное или элитарное. Мало кто стал бы обвинять китайских студентов, размещённых в Пекине в июне 1989 года, или румынских граждан на улицах Бухареста и Тимишоары шесть месяцев спустя, когда они осуждали «фашизм» государственной власти, применявшей жестокую силу против них под предлогом защиты коммунизма. Менее понятно было, когда практически в годовщину резни на площади Тяньаньмэнь демократически избранный президент Румынии Ион Илиеску заявил, что антиправительственные демонстрации – это дело «фашистов», и отправил шахтёров выполнять работу по подавлению, которую когда-то выполняла Секуритате. Между тем в разговорной речи термин был искажен до неузнаваемости. Сейчас мало кого удивляет, когда официального бюрократа или надменного «фаллократа» жертвы называют «немного фашистом», читают статью в журнале The Face, разоблачающую «фэшн-фашизм», или слышат, как радикальных антикурильщиков называют «здоровьевыми фашистами». Очевидно, что эта книга не предлагает контринфляционные меры для исправления ситуации на уровне повседневной речи: учитывая относительную беспомощность академиков влиять на развитие устного языка, это было бы не только нереалистично, но и покровительственно, не говоря уже о «фашистском» намерении (что показывает, насколько заразно это вольное употребление!).

То, что делает книгу потенциально «значимой» как вклад в гуманитарные науки, заключается в том, что слово потеряло недопустимо точное значение даже в академических кругах. Пример – слово «экофашист». На первый взгляд оно может показаться язвительным упрёком в адрес производителей, заявляющих, что «человек» имеет естественное право использовать ресурсы планеты независимо от экологических последствий. Наоборот, это технический термин в исследованиях окружающей среды для обозначения «тёмных» зелёных, которые предлагают наделить государство полномочиями для жестких интервенционистских мер в решении экологических проблем. На этом этапе инфляция термина, похоже, распространилась как семантический вирус, заражая даже социальные науки, где ключевые слова должны действовать в контролируемых условиях.

Исторически, если не морально, часть вины за размывание лексического значения «фашизма» должна быть возложена на марксистских теоретиков. В ноябре 1922 года, всего через несколько недель после марша Муссолини на Рим, Четвёртый конгресс Коммунистического интернационала, проходивший в Москве, обсуждал, как объяснять фашизм с марксистско-ленинской позиции. Одно из предсказуемых толкований видело в нём по сути реакционное движение, возникшее в результате попытки пролетарской революции так называемого «красного двухлетия», которая угрожала буржуазно-либеральному порядку. Как и колониализм, империализм и Первая мировая война, фашизм был включён без особых сомнений в телеологическую схему революционного социализма, предсказывавшего неизбежный крах капитализма. Когда новые формы открыто антибольшевистских военных диктатур возникали в тех странах, где слабость либерализма внушала надежду на коммунистические прорывы, они автоматически определялись как новые разновидности фашизма (то есть как фашизм) жёсткими марксистами. Эти же марксисты даже называли «социальными фашистами» своих исторических союзников – социал-демократов, чьё реформистское направление считалось предатель-

ством революционной классовой борьбы, в которой все «истинные» социалисты должны были участвовать, что привело к трагическому расколу левых в годы борьбы с нацизмом в поздней Веймарской республике. Таким образом, как общее, так и инфлятивное использование термина закрепилось в левом академическом дискурсе задолго до начала Второй мировой войны. В целом для крайне левых теоретический анализ фашизма в библиотечной тишине во многом подтверждал интуитивную реакцию на него, испытываемую в боевых условиях: это контрреволюция силами капитализма в союзе с пережитками феодализма.

Пока существовал Железный занавес, учёные за ним оставались сторонниками вечных законов диалектического материализма. Они продолжали проводить анализ в целом в соответствии с утверждением Димитрова на Седьмом конгрессе Коминтерна в 1935 году, где фашизм характеризовался как «самая открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, шовинистских и империалистических элементов финансового капитала». Именно такое определение повторено слово в слово в философском словаре, изданном московским издательством «Прогресс». Насколько неточным стало это слово на основе такого определения, видно из обширного обзора исследований фашизма, проведённого двумя восточногерманскими учёными, в котором Британский национальный фронт ставится в одну категорию с Monday Club и Национальной ассоциацией за свободу, обе из которых могут быть крайне правыми в парламентской политике, но не имеют революционных планов свергнуть либеральную демократию как таковую.

Поскольку Ленин был лишь одним из множества ревизионистов, стремившихся адаптировать теории Маркса к конкретным историческим условиям своей страны, неудивительно, что некоторые высоконюансированные марксистские интерпретации фашизма возникли вне гегемонии Коминтерна ещё до Второй мировой войны. Наиболее значительными из них были разработки концепции бонапартизма Маркса Талхаймером и Бауэром и сложная модель объяснения фашизма, созданная Грамши на основе его концепции идеологической гегемонии и ленинской теории «прусского» пути к капитализму, которые повлияли на послевоенных марксистских теоретиков. К 1980-м годам грубые отождествления фашизма с монополистическим капитализмом в значительной степени ушли в прошлое за пределами Восточного блока. За эти годы также появилась ценная информация благодаря применению «сложного» марксистского анализа (даже некоторыми немарксистами) к таким вопросам, как сговор между фашизмом и крупным бизнесом или интересами среднего класса.

Однако тенденция сводить фашизм к агрессивной форме капитализма всегда проявляется, когда марксисты подходят к этой теме, и историк ГДР Петцольд говорит за даже самых «невульгарных» своих коллег, когда подтверждает девиз Хоркхаймера 1939 года, согласно которому «тот, кто отказывается говорить о капитализме, должен молчать и о фашизме». Считая фашизм по сути антипролетарской силой, они преуменьшают его противоречие с принципами свободной экономики, потребительского материализма и буржуазии и не способны серьёзно воспринимать его претензии быть отрицанием либерализма XIX века, а не его продолжением в другой форме. Более того, они неохотно признают у него автономный революционный импульс как новой идеологической силы. Будет интересно наблюдать, сколько времени займёт, прежде чем демократические движения в странах бывшего Варшавского договора, которые в 1989 году начали отвергать коммунизм и принимать элементы капиталистической экономики вместе с плюралистическими политическими институтами, приведут к ослаблению ленинского и сталинского влияния в исследованиях фашизма в их университетах. Западные марксисты могут в итоге оказаться в крайне реакционной позиции по отношению к своим реформированным восточным коллегам.

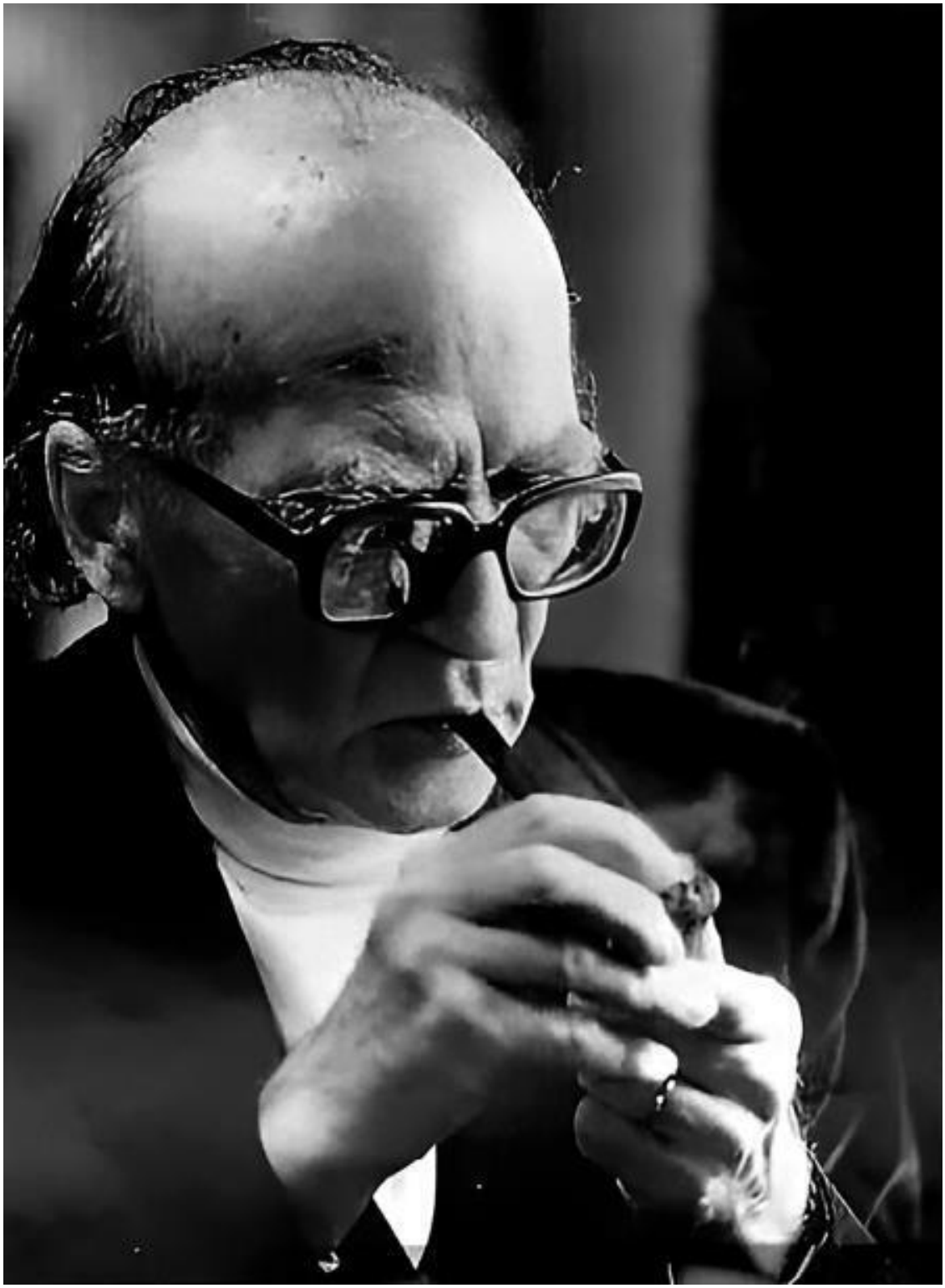
Продолжающийся поиск консенсусного определения

В академическом «Свободном мире», где рыночные силы так же влияют на интеллектуальную сферу, как и на коммерческую, концепция общего фашизма пострадала не только от инфляции, но и от процесса, который одинаково вреден для точности и полезности понятия. Чтобы остаться в коммерческом регистре английского, это можно назвать «диверсификацией». Каждый академик, который пытался дать определение термину, придавал ему свои собственные коннотации. На одном полюсе находятся те, кто рассматривает фашизм практически как радикализацию крайне правых сил двадцатого века, возникшую как антилиберальная традиция в европейской мысли после 1789 года. Это подразумевается в серии «Корни правых», где ультраконсервативный де Местр и фашист Муссолини вынуждены сосуществовать в напряжении.

Есть учёные, которые видят фашизм как принципиально новую силу, отличную от радикальной правой традиции, и, более того, как важный фактор современной истории как в Европе, так и за её пределами. Другая интерпретация рассматривает фашизм как явление, ограниченное межвоенной Европой, но с существенным различием между идеологически мотивированными нацистами и более оппортунистическими фашистами. Ещё одна точка зрения рассматривает его как международное явление, которое получило своё наиболее полное «парадигматическое» выражение в нацизме и фашизме или только в нацизме. Эта последняя позиция сталкивается с убеждением, что существует семья общего фашизма, но нацизм слишком отличается (слишком «биологически» расистский), чтобы быть включённым в неё. Таким образом, студенты и академические специалисты оказываются в концептуальном лабиринте, как только их исследования пересекаются с изучением фашизма. Десятки самопровозглашённых Ариадн заманчиво протягивают нити, показывая путь наружу, но каждый путь ведёт к разным выходам или, как часто бывает, к другой точке лабиринта.

Существует столько противоречивых оценок, что предпринимались попытки создать руководства по ним, хотя каждое неизбежно делает упор на разные школы мысли. В результате все основные вопросы, касающиеся одной из самых мощных исторических сил, сформировавших современную историю в первой половине двадцатого века, остаются открытыми: связаны ли итальянский фашизм и нацизм, и если да, то как; являются ли они частью более широкого явления? Если существует общий фашизм, ограничен ли он Европой или имеет глобальный масштаб? Существовал ли русский, южноамериканский или японский фашизм? Простирается ли «клетка фашизма» за пределы 1945 года? Вопрос неофашизма во многом игнорируется стандартными сборниками эссе о фашизме. Какова связь между фашизмом и консерватизмом, радикальной правой, тоталитаризмом, модернизацией, национализмом, расизмом, социализмом, капитализмом, империализмом? Связан ли он с определённой стадией развития национального государства, психологической предрасположенностью или социальной группой? Если последнее, был ли это средний класс или массовое движение?

Далее, имел ли фашизм, если признать его общее существование, «реальную» идеологию, или правильнее сказать, что он имел «форму идеологии, но без конкретного содержания»? Если он имел конкретное содержание, было ли оно «позитивным» или в основном отрицательным, делая фашизм по сути «антифеноменом», определяемым прежде всего тем, чему он противостоял, а не тем, что поддерживал? Некоторые исследователи даже предполагают, что у фашизма был «отрицательный общий знаменатель», то есть ряд вещей, которые фашизм отвергал, но сомневаются, было ли у него что-либо общее в плане позитивных целей. Доводя аргумент до логического конца, был ли фашизм в конечном счёте революционной формой «нигилизма» или просто «злом»?

Мирча Элиаде

Примером расхождения мнений может служить сравнение подхода к фашизму двух известных современных теоретиков, израильского учёного и американца, оба немарксисты. Один написал детальные исследования франкоязычного фашизма, внёс значительную статью о фашистской идеологии и дал общее определение для энциклопедии политической мысли, которое неизбежно конфликтует с определениями других исследователей. Спорный характер дебатов о фашизме на высшем уровне науки хорошо иллюстрирует короткий обзор пути,

который эти дебаты прошли до середины 70-х годов, особенно пространство, посвящённое вежливой, но разрушающей критике одной из самых известных теорий общего фашизма, сформулированной на «феноменологических» принципах. Особенность собственного подхода исследователя заключается в его убеждении, что:

1) студент фашизма должен изучать различные движения межвоенной Франции, чтобы построить парадигму идеологического состава, не искаженную реализацией в виде режима;

2) фашистская идеология представляет собой относительно согласованный синтез двух основных течений современной политической мысли – антиматериалистического социализма и национализма;

3) центральный импульс этого синтеза заключается в возможности третьего пути между либерализмом и коммунизмом, который не является ни «правым», ни «левым»;

4) это движение политических идей, характерное для двадцатого века, с собственными интеллектуальными и историческими корнями;

5) хотя несколько межвоенных движений соответствуют выявленной модели, нацизм слишком отличается (например, «биологически» расистский), чтобы быть с ним связанным.

Парадоксально, но хотя этот исследователь часто цитируется как авторитет в своей области, и его тщательные исследования трёх поколений радикальной правой мысли во Франции демонстрируют плодотворность подхода, его определение фашизма породило больше полемики, чем консенсуса. Среди возражений отмечают, что оно создаёт жёсткую дихотомию, классифицируя мыслителей межвоенной Франции как «демократов» или «фашистов», игнорируя, например, мощное течение политического католицизма, которое пыталось создать альтернативу либерализму, коммунизму и фашизму; а также что оно применяет историю идей к фашизму, недостаточно учитывая уникальные социологические и национальные предпосылки его различных разновидностей, склонность к действию, а не теории, и практические последствия. Читатель должен сам оценить, не привели ли «идеоцентрические» предпосылки моего собственного подхода к аналогичным ошибкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.